

На улице шёл мелкий дождь. Ещё вчера было жарко, а сегодня в горах выпал снег и похолодало. Я выпил кофе и сел за компьютер, намереваясь закончить статью, которую обещал одному изданию давно, но всё никак не мог её закончить. Вернее, статья была закончена, но в ней не хватало «изюминки», последней строчки, в которой бы был ответ на вопрос: «современная русофобия, есть ли она, и что делать, как ей противостоять?»

Когда меня попросили написать статью на эту тему, то я немного растерялся. Во-первых, сам поставленный вопрос уже априори подтверждал существование русофобии. С этим, с фактом её существования, у меня «не было проблем»: я её, русофобию, не раз на себе испытал и там, в СССР, и здесь, в США. А вот вопрос: «что с ней делать, как ей противостоять?» меня и удивил, и оскорбил. Как это — что

делать? Ведь русофобия-юдофобия-англофобия и прочие фобии по отношению к людям — это фашизм, а он заклеимён Нюрнбергским трибуналом и многими международными законами.

Я быстро набросал статью, где всё это и изложил. Но, перечитав написанное, я понял, что статья оказалась какой-то «пресной» и скучной, как лекция сельского активиста из советского общества «Знание». И тогда, вспомнив про «конец — всему делу венец», я решил одной строчкой создать этот «венец».

Но дело оказалось нелёгким. Были испробованы разные варианты окончания, и все они меня не устраивали. Выключив комп, я пошёл за почтой. В моей ячейке было несколько писем и биллов, а также ключ от прикрепленного сбоку ящика, куда почтовик кладёт большие пакеты и посылки. Я удивился: мне уже давно никто ничего не присылал. Пакет был увесистым, обмотанным плёнкой, и сразу разобрать, кто мне его прислал, было невозможно. Дома, вскрыв посылку, я увидел обратный адрес. Первые же слова — Россия, ст. Вёшенская — заставили моё сердце забиться «в карьер» от изумления и радости.

Это была посылка от Ю.А. Дворяшина, редактора журнала «Мир Шолохова». В самой посылке были журналы, книга «Об отце» М.М. Шолохова и письмо.

Я вспомнил, что несколько месяцев назад послал в Вёшки свои

книги с небольшим письмом, в котором я благодарил всех, кто занимается увековечением творчества Великого Казака. И вот пришёл ответ от Александра Михайловича, внука великого человека, ныне директора Музея писателя. Письмо было тёплым, чувствовалось, что Александр Михайлович с особым уважением и вниманием относится к уральцам, где бы они ни находились. «Как вы, должно быть, знаете, уральская земля — родная для моей семьи...» — написал он мне. Я — знал, знал очень хорошо...

Я устроился уютненько в кресле и стал читать книгу. Вскоре я забыл, что читаю воспоминания сына о Великом отце. Передо мной был рассказ о Шолохове, но не о его величии и значимости, а о будничных событиях, о семье, о его трепетном отношении к жене, детям, друзьям и читателям. Язык повествования был чётким, но довольно колоритным, порой со знаменитой шолоховской ухмылкой, которую сын унаследовал от отца. Я прочитал книгу быстро, жалея, что так мало было написано. Откинувшись в кресле, я попытался чуточку подремать, но сон не шёл. Мои мысли были о прочитанной книге, о человеке, слепившем в огромной степени мой характер, открывшем мир, который я пронёс через всю свою тернистую жизнь.

Михаил Александрович Шолохов... Как же, когда же я впервые услышал это имя? Я стал рыться в закоулках своей дырявой

памяти и не мог вспомнить. Шолохова у нас, в Уральске, знали все. Он был своим! Мало кто знает, что, когда объявили о присвоении А. Шолохову Нобелевской премии по литературе 15 октября 1965 года, — он услужал эту весть, находясь в своём охотничьем домике в Приуралье. В селе Дарьинское, что находится в 30 километрах от города Уральска, с 27 июля 1942 года по конец ноября 1943 года в эвакуации жила семья писателя. Шолохов сам туда урывками выбирался с фронта и работал над первыми главами романа «Они сражались за Родину». В Приуралье он часто в течение 30 лет вместе с семьёй отдыхал от официальной суеты, которая «доставала» его в Вёшках. Охотничий домик, к сожалению, не сохранился. Не знаю, нигде не встречал сведений о том, откуда в «Поднятой целине» появилось название колхоза «Гремячий Лог», но в Зелёновском районе Уральской области был такой хуторок — Гремячий. Вернее, было два хуторка: Верхний Гремячий и Нижний Гремячий. Кто знает, может, они и запали в душу писателя, — ведь там, в уральских степях, и поднималась целина.

Я неожиданно вспомнил детство, вспомнил, как моя мама однажды за столом сказала, что вышел фильм о казаках и скоро его покажут у нас в клубе. Бабушка, которую мы все звали по-казачьи бабакой, одёрнула её строго, тихо сказав: «Шура, ты

чаво такое гываришь при детях?» Но мама, рассмеявшись, успокоила свекровь, сказав, что Шолохов — наш, из казаков, что он не запрещён. Помню, как через неделю после этого мать и отец, надев праздничные костюмы, пошли смотреть этот фильм. Мы, пацанята, тоже ринулись к клубу. Он был переполнен, но завклубом не отважился отказать всем желающим — люди сидели и на полу, и на окнах, и даже рядом с экраном. Двери были открыты, в коридоре стояли люди, стояли все три серии. Мы с другом пролезли под ногами взрослых и попытались хоть одним глазком посмотреть фильм. Помню, удалось только увидеть чубатого казака, гарцующего на коне перед красивой женщиной; в следующий миг тётя Зоя, билетёрша, каким-то чудом рассмотревшая детей среди взрослых, выставила нас на улицу. Мы дождались окончания фильма, сидя на ступеньках старого дореволюционного здания, где и был клуб. Не забуду, как выходили люди после этого фильма: женщины с заплаканными глазами, мужчины — с гордо поднятыми головами... Дома мама кратко пересказала бабаке увиденное. Бабака плакала, но её глаза излучали радость и гордость за восстановленное имя «казак», которое было не принято произносить в Уральске долгое время после гражданской войны. Позже и мне удалось посмотреть тот фильм. До сих пор считаю его

сильнейшим из всех экранизаций этого бессмертного произведения.

Однажды — кажется, я был в классе седьмом — к нам в школу приехал Д. Ильченко, сыгравший отца Григория Мелехова в фильме Герасимова. Это было так необычно — ведь наша школа находилась в пригороде Уральска, и мы не были избалованы такими посещениями. Учителя отменили уроки и привели всех нас на эту встречу. Когда появился небольшого роста человек, я немного опешил — он совсем не был похож на Пантелея Прокофьевича. Но это разочарование сразу же прошло, как только он заговорил.

После этой встречи я и прочитал в первый раз «Тихий Дон». Прочитанное просто ошеломило меня! Ошеломило узнаваемостью героев, их судеб, красотой языка, правдивостью, жестокостью жизни. Я по-другому поглядел на себя, на своих односельчан, на родителей. Герои Шолохова попадались на каждом шагу в моём родном посёлке! Мимо меня каждый день проходили гришки мелеховы, аксиньи, кошевые... Во мне проснулась любовь к своим корням, к своей малой родине и, самое главное, — к себе самому. Я страшно захотел быть похожим на Григория; первое время переживал, что нос у меня был прямой, а не горбатый, что чуб был светлый, а не чёрный, что не мог скакать на коне, так как всех лошадей в посёлке «забрал Никитка», что не мог поиграть с шашкой дедыньки, погугарить

с ним, убитым в той, проклятой для каждого казака, гражданской войне...

Словом, «Тихий Дон» кардинально изменил меня, сделал лучше, внимательнее к окружающему миру, особенно к своим корням, к истории казачества. Я часто подсаживался к бабаке, спрашивая её о жизни на хуторе, о традициях казаков, стараясь понять силу этих необыкновенных людей, их стойкость и верность Царю и Отечеству, за которые казаков почти всех и истребили. Бабушка охотно рассказывала мне о своём счастливом детстве, юности, пела казачьи песни, частушки, вспоминала различные истории о багренье, Рыжечке... Сколько знала всего эта безграмотная старушка! Слушая её, я изумлялся тому, как были схожи судьбы героев Шолохова и моих стариков! Так же, как и Григорий, мой дед был и у белых, и у красных, так же, как и он, дедынька метался по степи в поиске правды, так же, как и в «Тихом Доне», бабака и весь её хутор уходили в «отступ» вниз по Уралу...

Я стал писать маленькие рассказы, которые тут же рвал, боясь, как бы не увидели их мои старшие братья и не засмеяли. Однажды мой младший братишка посетовал, что никак не может написать сочинение на «вольную тему». Я, будучи уже на первом курсе института, решил ему помочь. Допоздна я пыхтел, но написал. Написал о казаке,

который был ранен и после атаки оказался в больнице. Пётр, мой брат, даже не посмотрев написанное, ушёл в школу. Вечером я его спросил: «Ну как, пятёрка?»

«Какая пятёрка? Ты зачем и откуда это передрал?» — и он с обидой швырнул на стол тетрадку с моим сочинением. Там стояла жирная двойка и подпись учительницы: «Стыдно, молодой человек! Это написано не тобой, а профессиональным писателем. Ты хоть бы удосужился переписать без ошибок!» Я долго смеялся и над учительницей, и над собой. Над собой — с гордостью.

Но один из самых знаменательных дней в моей жизни был тогда, когда я увидел Шолохова вживую. Было это, кажется, в июне 1969 года. Сдав экзамены за очередной курс уральского пединститута, я пошёл на базар, где в то время была остановка автобуса, чтобы поехать домой, на Селекционную. Неожиданно меня окликнул Булат, мой знакомый, который похвастался, что идёт в драмтеатр, на встречу с М.А. Шолоховым, и показал контрамарку, которую ему вручили за отличную учёбу. Видя, как я расстроился, что не смогу попасть туда, он увлёк меня за собой, сказав, что сейчас что-нибудь придумает. И придумал — пока он отвлекал контролёршу, я прошмыгнул внутрь театра. Я до сих пор благодарен ему и судьбе за такой неожиданный и щедрый подарок!

Зал был забит, что называется, под завязку. Вскоре вышли

на сцену Михаил Александрович и областное руководство и началось то, что трудно было описать словами: начался разговор мэтра мировой литературы с нами, читателями разных возрастов. Чуть простуженным голосом Шолохов неторопливо рассказывал о современной литературе, давал советы молодым людям, шутил и делился своим опытом. Но из самого запоминающегося на той встрече были его ответы на вопросы. Их было много, записки просто заполнили стол, ведущий не знал, куда их складывать. Долго и обстоятельно отвечал писатель на них. Память стёрла почти все ответы Шолохова, кроме вот этих:

Вопрос: Как вы относитесь к тому, что сейчас пишут стихи и прозу многие, почти все?

Ответ: Думаю, что это хорошо. Ведь если пишет человек, то он думает. Но все ли пишущие достойны быть в профессиональном СП (Союзе писателей)? Думаю, нет. Я сам член СП, но я не знаю и половины этих «писарчуков».

Вопрос: Какая экранизация вашего произведения вам больше всего нравится?

Ответ: Никакая.

Вопрос: Вы сейчас пишете новый роман о Великой Отечественной войне. Будет ли это вторая эпопея, типа «Войны и мира»?

Ответ: Нет, не будет. Нельзя сравнивать войну 1812 года и Вторую мировую. Масштабы во Второй были значительно больше, неизмеримо больше. Объять

всё это, написать о ней так, как сделал Толстой, можно только силами многих авторов.

Вопрос: Как вы относитесь к Сталину (здесь мы все насторожились, зная особое отношение Сталина к писателю)?

Не могу сейчас точно припомнить слова Шолохова. Но он дал тогда смелую и честную оценку и вкладу Сталина в разгром врага, и его ошибкам. Я удивился смелости писателя, как он, не боясь, хвалил вождя, когда считал нужным, и критиковал, но по-своему, без популярного в то время очернительства.

А вот этот вопрос от молоденькой девушки развеселил и заставил улыбнуться весь зал: «Когда я училась в школе, то часто спорила с моей учительницей по литературе об образе Лушки из «Поднятой целины». Мне страшно нравился этот образ, а учительница говорила, что это самый ужасный герой из всех, описанных в ваших книгах. Скажите, кто прав: я или учительница? Нравится ли Вам Лушка?»

Михаил Александрович, улыбувшись в усы, ответил кратко: «Пользуясь отсутствием жены в зале, скажу, что да, нравится. А об учительнице — о вкусах не спорят!»

Зал взорвался аплодисментами. Были и другие вопросы, и искромётные ответы писателя.

После встречи мы с другом долго ждали Шолохова позади театра. Наконец он вышел, и мы ринулись к нему за автографом.

У меня была крохотная записная книжечка. Михаил Александрович, взяв её, улыбнулся — «Какая большая книга!» — и расписался. Долго я хранил этот бесценный для меня дар, но потом, в один из своих многочисленных переездов, книжечка пропала...

И вот передо мной книга его сына, с письмом его внука. Словно сам Шолохов восполнил ту утерянную подпись уральскому пареньку, в чьей душе он когда-то зажгёт пламя любви к Родине, к своей земле, к казачеству...

Чуть позже я сел дописывать статью, которая была как бы ответом одному русофобу. Я перечитал написанное, опять поймав себя на мысли о незавершённости темы. Не поймёт этот человек, ненавидящий Россию, русских, эту статью, не поймёт! «Вот был бы у меня талант Шолохова», — неожиданно подумал я. И в тот же момент я вспомнил, что на одной из страничек присланной книги я подчеркнул какую-то строчку, которую хотел запомнить. Я открыл книгу «Об отце», нашёл её, эту строчку, вернее, параграф, и ещё раз внимательно прочитал: «...бойся, сын, людей, каким нужно объяснять, что такое обыкновенная человеческая правда. Страшным бывает такой человек...»

«Как гениально просто сказано, и как точно!» — подумал я и удалил статью, нажав кнопку «delete». Мне показалось, что Шолохов на обложке книги одобрительно улыбнулся в усы.